

- щественная организация телеутского народа «Набат» Л. 4. Баксарина Адо (рукопись).
5. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (МАЭ). Ф. 11. Оп. 1. Д. 14.
 6. Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 24. Черневская Е. Телеутская женщина в замужестве. Сообщение. 1924 г.
 7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-63. Оп. 2. Д. 1. Л. 1. О набегах банды Т. Бордокина на Шанду, 1923 г.
 8. Батьянова Е. П. Телеутские кулаки и торговцы в годы коллективизации // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 86–96.
 9. ПМА 2010 г.: Алтайский край, г. Заринск. Шабуркова У. С., 1936 г. р.
 10. ПМА 2004 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда. Тарасова А. С. 1926 г. р.
 11. ПМА 2012 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда.
 12. ПМА 2004 г.: Кемеровская область, пос. Телеуты (Новокузнецк). Сагина А. П. 1922 г. р.
 13. ПМА 2014 г.: Кемеровская область, Беловский район, д. Верховская. Мажина П. Н., 1954 г. р.
 14. ПМА 2004 г.: Кемеровская область, г. Белово. Тодышева М. А., 1960 г. р.
 15. ПМА 2010 г.: Алтайский край, г. Заринск. Шабуркова М. С., 1929 г. р.
 16. ПМА 1994 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда. Тарасова А. С., 1926 г. р.
 17. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 135. Оп. 2. Д. 102.
 18. ПМА 1976 г.: Кемеровская область, Беловский район, д. Челухоево, д. Верховская.
 19. ПМА 2014 г.: Кемеровская область, г. Белово. Тыдыкова П. Н., 1958 г. р.
 20. Батьянова Е. П., Рюмина Л. Т. Георгий Маркелович Токмашёв – просветитель, этнограф, фольклорист // Репрессированные этнографы: Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. Москва Вост. лит. РАН, 2003. С. 105–127.
 21. ПМА 2014 г.: Алтайский край, г. Заринск. Шабуркова У. С. 1936 г. р.
 22. ПМА 2010 г.: Кемеровская область, Гурьевский район, д. Шанда. Кыстарова А. А., 1936 г. р.
 23. Люди труда и созидания. Историко-этнографический музей «Чолкой» Беловского района. Телеутская земля с. Беково / сост. В. И. Челухоев, Л. Г. Челухоева. Беково, 2010.

УДК 394

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-208-213

Э.-Б. М. Гучинова*Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Российская Федерация***У каждого своя Сибирь. Устные истории в изучении повседневной жизни калмыков в ссылке**

Аннотация. Публикация посвящена важному в истории Калмыкии, но еще недостаточно исследованному антропологами и социологами периоду депортации народа в Сибирь (1943–1956) и памяти об этом. Цели и задачи публикации – показать роль метода устной истории в изучении повседневных практик выживания калмыков в Сибири, а также специфику калмыцкого нарратива о депортации, которая отражает социальную динамику взаимоотношений репрессированных калмыков и местного населения – от первой встречи, часто травматичной, до последующих дружеских. Автор показывает примеры позитивной работы с травматичным прошлым, которая отражается в Поездах Памяти и фокусирует работу благодарной памяти. **Ключевые слова:** депортация, калмыки, устная история, нарратив, репрессии, Сибирь, политики памяти.

Тема ссылки в публичном дискурсе. Калмыки были высланы в Сибирь 28 декабря 1943 г. Весь народ в один день был «поднят на колеса», по выражению сотрудников НКВД, выполнявших операцию «Улусы» и погружен в товарные вагоны, в которых людей повезли в Сибирь. Оказавшись расселенными по 3–4 семьи на село в глубинных местечках, разбросанных по многим регионам Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, они хлебнули горя, столкнувшись с бесправием, с нищетой, с изгойством. Но, справившись с первыми трудностями депортации, калмыки смогли обустроиться на местах, со временем наладились и отношения с местными властями и населением. Однако в 1949 г. статус репрессированных был подтвержден, вышел указ Верховного Совета СССР о том, что калмыки высланы «навечно». Калмыцкая автономия была восстановлена в 1956 г. как область в составе Ставропольского края в 1957 г. [1, с. 238,

241]. В 1957–1958 гг. калмыки вернулись на родину, но о годах в Сибири предпочитали не говорить.

Известно, что подчиненные (сабалтерны) не могут говорить (Г. Ч. Спивак) о том, что их действительно беспокоит, – например, о своих исторических травмах [2]. Так, калмыки молчали о депортации практически 30 лет после возвращения, переживая несправедливое обвинение со стороны Родины – колониальный конструкт коллективной вины. От имени сабалтернов всегда говорят их лидеры или посредники – политики или журналисты, которые имеют свои производственные задачи и говорят от имени подчиненных то, что хотят услышать власти.

Кроме внутренних причин, у этого молчания были для этнической группы и внешние. Государственная советская цензура не пропускала сюжеты, которые противоречили большому нарративу и принципу партийности – верности марксистско-ленин-

ской политике. Осудив культ личности Сталина на XX съезде партии, ее руководители не захотели рассказать об ошибках партии и культе Сталина народу, поэтому многие граждане страны догадывались только об ошибках, связанных с их судьбой. О масштабе репрессий в целом по стране ее гражданам знать не полагалось. Поэтому в печати и на теле- и радиовещании царила строгая цензура. Как рассказал бывший редактор Калмыцкого книжного издательства, перед тем как приступить к своим обязанностям, он подписал документ о том, что не пропустит в печать произведения, в которых будет упомянута высылка калмыков в Сибирь, а также о том, что бабушка Ленина — калмычка [3, с. 226].

Как часто бывало в России, актуальные вопросы, о которых молчали идеология и наука, поднимались в литературе. Однако государственная цензура вела к самоцензуре литераторов, у которых в сюжетах о сибирском периоде в истории калмыцкого народа оставалось много недоговоренностей и намеков, неподготовленному человеку непонятных. Одна из любимых в народе повесть А. Балакаева «Три рисунка» рассказывает о дружбе лирического героя с калмыцким мальчиком Борькой. Действие происходит в Сибири, но почему калмыки там оказались — остается за рамками произведения, и мы, читавшие этот рассказ в детстве, так и не понимали, что Борька — спецпереселенец. В поэме К. Эрендженова «Мой старый тополь под окном» герой описывает нахлынувшие чувства к родине при виде дерева, росшего у его дома. Читатель понимает, что поэт появляется в родных местах после долгой разлуки, но в чем причина длительного отсутствия героя — служба в армии, отбывание наказания в тюрьме, длительная работа за рубежом, — также остается неясным читателю.

Во время недолгой оттепели народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов успел написать стихотворение «От правды я не отрекался»:

*...В те годы гнев несправедливый, дикий
Нас подавил, и свет для нас потух.
И даже слово самое «калмыки»
произносить боялись люди вслух... [4]*

Но об этом стихотворении я узнала только в 1988 г., когда его опубликовал журнал «Огонек». Творчеству Кугультинова, самого именитого калмыцкого поэта, было выделено много часов в школьной программе, и мы изучали разные его произведения. Но ни слова об этом — программном — его произведении и самом важном для народа в школьном курсе литературы не было.

Надо сказать, что в стихах выражались не только чувства репрессированного человека, но и чувства русских людей в отношении многих репрессированных народов. Слова о вине от представителя государствообразующего народа было важно прочитать многим «нацменам».

*Испокон ведется на Руси:
власть грешит, а каются народу,
потому, калмык, меня прости
за свою былую несвободу [5].*

Однако перестройка и гласность дали выход правде после 30-летнего молчания. Вышли сотни воспоминаний в районных и республиканских газетах, многие — небольшими изданиями. Также были опубликованы несколько сборников таких воспоминаний [6, 7]. Но почти все эти тексты проходили редакторскую обработку, часто теряя при этом индивидуальность повествовательной манеры рассказчиков, которые и сами наверняка отсеивали — о чем они напишут, а о чем — нет.

Метод устной истории наиболее полным образом отражает интересы исследователя [см. 8–10], особенно если в фокусе изучения находятся вопросы повседневности, стратегии адаптации и тактики сопротивления — вопросы, которые были вне поля профессиональных интересов советских историков и изучение которых требует специальных усилий для поиска подходящих информантов, проживавших в то время и в том месте, которое находится в поле изучения. Тем более этот метод незаменим при изучении наказанных народов, чья история 1943–1956 гг. вдруг теряется в большом нарративе советского народа. В академическом издании «Очерков истории Калмыцкой АССР» одна глава заканчивалась 1943 годом, а другая начиналась 1957 годом [11].

Какие письменные источники по изучению жизни ссыльных калмыков есть в распоряжении исследователя? Единственный источник, доступный исследователю, — опубликованная в 1990-е гг. ведомственная документация НКВД. Она ограничена профессиональными интересами и правилами: отражает только те вещи, которые были важны для организаторов операции «Улусы»; специфика этого ведомства и того времени в том, что нельзя было признаваться (особенно в письменном отчете) в неожиданном развитии ситуации, незапланированных жертвах и пр. Поэтому все документы НКВД необходимо использовать после деконструкции, учитывая, кто, кому и зачем пишет. К тому же почти все донесения и отчеты — краткие и не содержат излишних подробностей.

Специфика сбора материала методом устной истории — в важности взаимного доверия респондента и исследователя, в том, что память многое хранит, но не имеет фиксированных форматов, и поэтому важно понять, какие вопросы следует задать именно этому респонденту, чтобы выйти за знакомое поле известных фактов и прирастить новую крупинку знания к уже описанным сюжетам. Важно попасть в такой момент, когда респондент в настроении, в хорошем самочувствии, чтобы обстановка была располагающая к рассказу — желательно в отдельной комнате в доме у рассказчика. Прекрасным подспорьем будет фотоальбом, который может стать подсказкой и путеводителем по памяти информанта.

В зависимости от целей исследования формы построения беседы с информантом могут быть разными. Мне были важны не просто рассказы, а спонтанные рассказы о Сибири. В этом случае возникают

нетипичные сюжеты, рассказчик свободнее в подборе слов и сюжетов, он легче выходит за те социальные рамки памяти, которые стали каноническими в сообществе. Разговорить собеседника на темы, выходящие из дежурной повестки на данную тему, так, чтобы он вышел своим рассказе за дискурсивные лекала (И. Сандомирская) — это самое ценное в работе собирателей устных историй.

Устная история — не только один из научных методов, которые используют исторические антропологи в своих исследованиях, это метод, который не только дает исследователю недостающую информацию, но и учит его богатому опыту десятков видевших жизнь собеседников, дает более глубокое, стереоскопическое видение истории сталинской эпохи, в которой, кроме страха и осторожности, также были риск, отвага, честность, дружба и любовь. Устная история учит также гражданскому чувству и моральному измерению исторического времени. Такая практика для студентов — хороший опыт как профессионального, так и личностного роста.

Какие же сюжеты непременно возникают при воспоминаниях о Сибири? Прежде всего это сюжеты о первых впечатлениях от встречи с местным населением и о том, как это настороженное или даже недружественное отношение менялось на долгую крепкую дружбу. Важными сюжетами были также сюжет о школе, в которой были важны одноклассники как сибирская социализация детей и учительница, проводник государственной власти в конкретном месте. В зависимости от личных качеств эти учителя могли быть и добрыми феями и злыми. Для калмыков постарше важным был производственный коллектив и товарищи по работе — это также обязательный сюжет для тех, кто оказался спецпереселенцем по причине своей этничности, а значит, и без всякой вины, в возрасте старше 17 лет.

Сюжет о встрече с местным населением в повествовании всегда травматичен, поскольку является продолжением травматического изгнания из дома, несправедливого обвинения и невероятно тяжелой дороги. В один день обрушился мир у ста тысяч людей — они оказались обвинены в государственной измене, потеряли все свое имущество, которое с трудом наживали, и ехали две-три недели в нечеловеческих по санитарным нормам условиях, подобно преступникам, осужденным без суда за чужие преступления. Их привезли в незнакомые места, экологически и климатически чуждые — из степей в лесные и таежные регионы. Голодные, грязные, расово иные калмыки были встречены на местах также недружественно, так как молва утверждала, что везут «людоедов». Местные жители после приезда калмыков — по многим воспоминаниям — не пускали своих детей в школу, побаивались встречаться на улице, им было страшно пускать прибывших к себе на постой.

Привезли нас в город Куйбышев Новосибирской области. Это везение, что мы попали хоть в маленький, но в город. Встречали нас плохо. Так,

вроде, ничего встретили, привезли куда-то в клуб. Потом сани подъезжали, нас выкрикивали, и мы садились, и нас везли на поселение. Приехали мы к одному дому — все закрыто. Мы стоим, шестеро, — мама, тетя, я и 6–7-месячная сестренка на руках. Никто не открывает. Вдруг подходит из дома напротив русская женщина и говорит: ой, Фадеевна говорила, что никого не пустит. Специально куда-то ушла и неизвестно когда придет. Идите к нам. У нее муж татарин и сказал: иди, заведи людей, что это люди на морозе стоят. Все равно Фадеевна пришла домой ночевать. Орет, плачет: не пуцу, я боюсь, куда хочешь их вези. Оказывается, слух прошел, что людоедов привезут. А она одна живет: сын в армии, а дочь учится в ФЗУ в Барабинске. Человек, который нас привез, убеждал ее долго: ну ты на них посмотри, две женщины, два ребенка — ну какие они людоеды. Он ее уговорил — только до утра [12].

Приехали когда, в деревне все знали, что едут людоеды. Со мной классом ниже Маша Риттер, немка-девочка, училась. Когда я появлялся на улице в деревне, она обегала за тридевять земель. Потом, чуть повзрослев, я спросил у нее: Маша, а что ты так пугалась? — А как же, скажи, что везут людоедов. Казалось бы, немцев самих привезли в 41-м, а верили [13, с. 430].

Привезли нас в Алтайский край, Зональный район, село Зональное... Местные жители в первое время нас побаивались, думали, что мы едим детей. Потом они к нам привыкли, стали с нами общаться и относились хорошо [14, с. 39].

Сибиряки — молодцы. Какие говорили, что людоеды едут, кушают дохлятину. А потом подружались, и милее нас для них никого нет. А в первые дни очень плохо относились, кто понимал, а кто нет [15, с. 210].

Для взрослых людей, а взрослые тогда рано, знакомство с местным народом происходило на работе. Этика труда всегда проявляет человека — его ответственность и дисциплина говорят за работника, даже если он плохо говорит по-русски. Совместная работа быстро снимала ложные подозрения.

Я работал в Алейском пункте «Жомскототкорм». Вспоминаю Богданова Петра Ефремовича, который долгие годы работал бригадиром. Он был очень хорошим человеком, людей никогда не делил на своих и чужих, всегда поступал по совести, справедливо. Сам был честным трудягой, поэтому уважал тех, кто не хитрил, не жалея себя делал дело... Росли у него хорошие сыновья — Владимир и Александр. Помню я двух Иванов — Карпенко и Золотарева. Они были рядовыми работниками и порядочными людьми. Мы с ними жили в дружбе. Эти и другие добрые люди из местных жителей быстро разглядели в нас нормальных граждан и вовсе не обращали вни-

мания на те злые слухи и небылицы, которые распространялись среди населения еще до нашего приезда... [16, с. 24].

Несмотря на чудовищность обвинения в каннибализме, оно было слишком абсурдным, чтобы долго продержаться. И хотя сибиряки поначалу опасались сталкиваться лицом к лицу с калмыками, все же контакты были неизбежны, как и неизбежно было развенчание мифа о людоедах, и страхи у сибиряков быстро исчезали [17, с. 111–112].

Стандарты жизни как экстремальный опыт. Травматическая память сохраняет все самые тяжелые впечатления. Как признался один из сосланных, «некоторые случаи из той жизни глубоко засели в моей памяти и сидят там словно червоточина» [16, с. 23]. Чтобы произошло примирение с прошлым, человеку надо поделиться всем самым тягостным, что хранится в памяти, разделить эту память с тем, кто воспримет ее с сочувствием. Поэтому на тяжелом положении калмыков невольно делаются акценты, особенно если интервьюер относится к той же этнической группе, а о том времени, когда положение высланных выправилось, почти не говорится, ведь для рассказчика так жили все люди вокруг. «Ретроспективный взгляд, нацеленный на период депортации, как бы провоцирует вспоминать то, что отличало калмыков от других, подчеркивая статус спецпереселенца, то, что особенно выделяло их из местного сообщества» [17, с. 112]. Поэтому повествование о Сибири часто складывается суггестивно — так, что слушатель остается в уверенности, что так тяжело люди жили не в первый год, а все 13 лет.

Вот рассказ о том, в каком жилище ютились калмыки в Змеиногорском свеклосовхозе Третьяковского р-на Алтайского края. Этот рассказ автор назвала «Копай-город» и добавила, что это жалкое поселение окружающие могли иронично называть «Калмыцкая АССР».

...Из школы нас переселили в заброшенный подвал — овощехранилище. Сырое, темное помещение длиной около 40–50 м. В нем мы прожили до осени 1944 г. Условия жизни — скотские — не описать... Сейчас вспоминаю и плачу... Летом из взрослых калмыков создали бригаду, которую окрестили «копай-город», и заставили копать для землянок ямы глубиной около двух метров, шириной 4–6 метров. Вместо крыши положили бревна накатом, а сверху закрыли соломой и засыпали землей. Стены изнутри обмазали глиной, полом служило дно ямы. Для входа и выхода сделали ступеньки, как в подвал, с одной стороны маленькое окошечко, соорудили в углу печку. От таких обустройств ни света, ни тепла не получилось, но зато сырости было вдоволь. В эти землянки поселили по две-три семьи. Жить пришлось в условиях полной антисанитарии. По сравнению с жизнью в первые полгода практически улучшений условий быта не бы-

ло. Поэтому люди сильно болели, а голод и холод еще больше усугубляли положение людей. И за зиму 1944–1945 гг. смерть унесла много калмыков. В одной нашей землянке умерли шесть человек [18, с. 41].

Катастрофическая ситуация была не только с жильем, но и с питанием.

Иногда скотина находилась в лучшем положении, чем люди. Так, в определенные периоды с целью усиления рациона быкам, на которых мы работали, выдавали жмых и отруби, а нам, людям, не давали ничего. А есть всегда хотелось. Поэтому мы скармливали отруби быкам, а жмых съедали сами. Необыкновенно вкусной и сытной казалась нам тогда такая еда [16, с. 23].

Память о школе. Школа была первым опытом социальности для многих калмыцких детей. В школьных стенах им надо было самостоятельно выстраивать свои отношения с одноклассниками. Многие дети Сибири хорошо помнят имена школьных учителей и до сих пор благодарны им за доброту и мудрость. Школьные учителя пытались смягчить несправедливость на государственном уровне мягким отношением к старательным ученикам из репрессированных народов, находили возможности поощрить и поводы поддержать.

Во втором классе у нас была учительница Александра Макаровна, очень сильная учительница, строгая [12].

Моя первая учительница Дора Ильинична, это было, наверно, во втором классе, и говорит, сейчас пойдем к директору... И учительница говорит ему: ей нужно пальто, в ботинках она не может проходить всю зиму, ей пимы нужны. Мне дали защитного цвета платье и такого же цвета пальто. Это пальто я носила до шестого класса [19].

Я был ударником, хотя пятерок было больше. Наша учительница — Нина Леонидовна Вергунова — старалась хороших учеников поощрять в конце четверти. Перед летними каникулами несколько раз она лучшим ученикам по окончании четверти или учебного года дарила что-нибудь, например по полметра сатина. Несколько раз я получал, мама мне рубашку сошьет, я бегаю в ней все лето [20].

У нас в 8-м классе была учительница Евдокимова Зоя Григорьевна. Она жива и до сих пор, я ее вчера поздравлял с Международным днем учителя. Она была учитель от Бога. Один-единственный вопрос не подготовил я за три года, что учился у нее. Потому что ходил домой, попал в пургу, пропустил день и пришел в четверг. А когда она вызвала к доске, я не знал домашнего задания. Спустя полтора месяца она спросила: Паша, а ты что должен был? Я как стихотворение рассказал. У нее была такая тактика. Если ученик плохо ответил, она могла этот вопрос

спросить через неделю, через две. Поэтому мы все ее уроки готовили исключительно. Кто был более-менее способен к математике, учились на отлично, кто был средних способностей, учились твердо на четверки, а кто был неспособный, тот имел твердые тройки [13, с. 434].

Память о Сибири. Прожив в Сибири 13 лет, а кто-то и дольше, калмыки, если речь заходит об этом времени, вспоминают друзей, соседей, школьных учителей. Часто калмыки называют себя сибиряками, иногда объясняют хорошее здоровье тем, что выросли в Сибири. Я не раз слышала обращение к незнакомому человеку: «Послушай, сибирский земляк». В 90-е гг., когда песня эстрадной певицы Маши Распутиной «Я родилась в Сибири» была хитом, ее часто заказывали в ресторанах Элисты – как раз те, кто был рожден в Сибири. Позже Поезда Памяти, снаряженные в 1993–2014 гг. из Калмыкии в областные центры регионов ссылки, восстановили контакты и освежили в памяти места юности и детства. Благодарная память о поддержке в трудное время в народе сохранилась во многих семьях. Я знаю людей, которые каждый год навещают своих друзей юности в Омской области. Друзья моих родителей по годам, проведенным в Куйбышеве, Купцовы, переехавшие из области в Новосибирск, бывали в Элисте, и в последний раз тетя Валя Купцова гостила у меня, студентки, когда моих родителей уже не было в живых. Не для газеты, не для аудитории, а мне лично люди рассказывали:

Сибиряки – добрый, отзывчивый народ. Вначале они были напуганы, там пустили слух, что едут людоеды – они нам потом рассказывали. Они видят, что люди действительно голодают, гибнут. Зима. То картошки принесут немножко, то сметану. Как-то до весны мы выжили [21].

Нас привезли в село Ильинка Омской области. Нас сразу в семьи отдавали, и мы попали в какую-то русскую семью. Помню они нас приняли нормально, не шарахались. Сами ели мерзлую картошку и нас ею угощали [12].

Тяжелая жизнь скрашивалась тем, что рядом жили прекрасные люди – сибиряки. Это бригадир Кремлев Михаил Герасимович, инвалид, и его жена тетя Варя. У них было четверо детей: Зоя, Валя, Надя и Галя. Они часто подкармливали нас, калмычат... Зимой истопят баню и приглашают нашу семью и соседей-стариков [22, с. 142].

В сборнике воспоминаний Поезда Памяти «Дети войны – дети Сибири» воспоминания калмыков, у которых детство прошло на Алтае, озаглавлены так: «Родная Богодуховка моя», «Алтай – край моего детства», «Тринадцать дней золотого мая», «Память все хранит», «Незабываемые дни душевного единения», «Светлая нить воспоминаний», «Дорогие мои сибиряки», «Незабываемые мгновения детства», «Березо-

вые рощи Тальменки», «Над речкой Бией город» [22, с. 349].

Не только частная память хранит благодарные воспоминания о сибиряках. Коллективная память тем более полна позитивных воспоминаний, которые скрепляют гражданский национализм граждан одной страны не только географически, но и в ретро-измерении, скрепляя и последующие поколения калмыков благодарной памятью сибирякам. Это стало особенно актуально в последние два десятилетия, когда в обществе возникла ностальгия по советскому времени. Мэрия г. Элисты в знак благодарной памяти назвала многие улицы столицы Калмыкии в честь регионов или городов, связанных с годами депортации народа. Сейчас в Элисте можно найти Актаускую улицу, Алтайскую, Аральскую, Новосибирскую, Омскую, Сахалинскую, Ханты-Мансийскую.

Называя родными места Алтайского края, местных жителей всегда называли сибиряками, вписывая их в исторический контекст эпохи. Многие населенные пункты калмыки, родившиеся на Алтае, называют родиной, а не местом рождения. В. Т. Манджиев так и сформулировал: моя родина – станция Табуны Алтайского края [22, с. 178].

В жизни каждого человека есть на земле уголок, который дорог и мил ему больше всего на свете. Для меня это Алтайский край, рабочий поселок Тальменка. Здесь я родилась. Это моя родина [22, с. 168].

Эмоциональный накал, пережитый многими в Поездах Памяти при посещении родных мест, часто выливался в стихи.

*Есть уголок в далеком крае,
Где я родился, начал жить.
Село сибирское... Меж нами
Дрожит невидимая нить...
Я сын твой, милая Чистюнька!
Тебе сыновний шлю привет.
Души моей святая струнка,
Живи и здравствуй сотни лет!
[22, с. 112].*

Несмотря на бесхитростный и даже наивный стиль, это подлинные эмоции, которые выражают сокровенное.

*С детства раннего снился мне Алтай,
Моих родителей любви счастливый край,
Край, где я родился и где я рос
Под сенью стройных сосен, приветливых берез.
Почти через полвека вернулся в отчий дом
И еду в Южаково, все думаю о том,
Как ээджа под сосною грустит о Цекерте
И весточки ждет с фронта от сына Харгате
[22, с. 149].*

Пассажиры Поезда Памяти «Дети войны – дети Сибири» были депортированы малышами или родились уже в Сибири, поэтому они не помнят все самое трудное, что выпало на долю родителям или

старшим братьям-сестрам. Их память не отягощена унижениями и страхами, а, наоборот, полна счастливых детских воспоминаний. Однако, как писал П. Рикер, воспоминания всегда вписаны в те социальные рамки, которые предлагает общество в данное время. Пассажиры поезда, практически агитационного, не только выполняли сыновний долг (навещать родные могилы, совершить ритуалы поминовения), но и увидеть своих друзей детства или места, в которых выросли. Они также выполняли миссию историческую, которая имплицитно была получена от руководителей республики: показать, что благородство сибиряков не забыто спустя десятилетия, что калмыки — благодарный народ. Потому во многих нарративах карьеристы и жестокие исполнители представлены как исключения из правила, в котором все сибиряки — люди добрые, душевные.

Родители всегда вспоминали с благодарностью людей Сибири. А я вспоминаю свое детство в Сибири как прекрасную, счастливую пору. И жили вроде богаче и общались друг с другом больше. Для калмыков эти годы оказались разрушительными в смысле утраты языка и своей культуры. Но имелся и положительный момент: та часть народа, которая раньше не имела контактов с русскими, приобрела опыт проживания в иноэтничной среде. Молодое поколение выросло и могло выживать в русской среде, это те, кто через Сибирь прошел [23, с. 562].

Сформулировать и поддерживать позитивный нарратив — значит пережить травму депортации позитивно, выйти из тяжелых испытаний, сохранив достоинство. Такое отношение соответствует и человеческим ценностям, и буддийским канонам.

Источники и литература

1. Ссылка калмыков: как это было. Сборник документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. Элиста Калм. кн. изд-во, 1993. 262 с.
2. Спивак Г. Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С. Жеребкина. Харьков ХЦГИ, 2001; Санкт-Петербург Алетейя, 2001. С. 649–670.
3. Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Биографическое интервью с Е. А. Буджаловым. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 222–269.
4. Кугультинов Д. Н. От правды я не отрекался // Кугультинов Д. Н. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. Москва ОГИ. 2002. С. 53–59.
5. Куняев С. «Всесоюзная перепись» (1977) // Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/poeziya-sudba-rossiya-kn-2-est-eshche-ocean-read-210020-49.html> (дата обращения: 17.08.2020).
6. Годяев П. О. Боль памяти. Элиста АПП «Джангар», 1999. 351 с.
7. Мы — из высланных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. и ред. П. О. Годяев. Элиста АПП «Джангар», 2003. 463 с.
8. Томсон П. Голос прошлого. Устная история. Москва Весь мир. 2003. 365 с.
9. Устная история и биография женский взгляд / сост. Е. Ю. Мещеркина]. Москва Невский Простор, 2004. 269 с.
10. Щелова Т. К. Устная история Учеб. пособие. Барнаул, 2011. 364 с.
11. Очерки истории Калмыцкой АССР: Эпоха социализма / под ред. Д. А. Чугаева. Москва Наука, 1970. 432 с.
12. Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Два женских рассказа о депортации калмыков. Монголоведение. 2020. № 2.
13. Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков. Антропологический Форум. 2004. № 3. С. 400–440.
14. Очынакова Б. А. Мы потеряли много родных // Мы — из высланных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. и ред. П. О. Годяев. Элиста АПП «Джангар», 2003. С. 39.
15. Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Жизнь ссыльных калмыков в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194–220.
16. Бадмаев Г. Н. Вернули нам честь, но... // Мы — из высланных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. и ред. П. О. Годяев. Элиста АПП «Джангар», 2003. С. 23–24.
17. Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы. Штутгарт Ибидем. 2005. 283 с.
18. Ченкалеева А. С. Копай-город // Мы — из высланных навечно: Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. и ред. П. О. Годяев. Элиста АПП «Джангар», 2003. С. 40–41.
19. ПМА 2004 г.: г. Элиста. Бургакова Галина Бадмаевна.
20. ПМА 2018 г.: г. Элиста. Овшинов Алексей Николаевич, 1942 г. р.
21. ПМА 2004 г.: г. Элиста. Бадмаев Валерий Ишляевич, 1937 г. р.
22. Память сердца (воспоминания участников Поезда Памяти «Дети войны — дети Сибири (1943–1957 гг.)») / под ред. К. Н. Илюжинова; редкол.: В. Б. Бакаев, Р. Б. Грицкова, А. Н. Овшинов и др. Элиста АПП «Джангар», 2002. 352 с.
23. Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Интервью с В. П. Санчировым. Монголоведение. 2019. № 3. С. 543–563.